

Рефорум

Остап Кармоди

ПОЧЕМУ РОССИЮ НЕ ПОЛУЧИТСЯ ОБУСТРОИТЬ – ТОЛЬКО ОБЕЗВРЕДИТЬ

РЕФОРУМ

2022

Текст ниже – сравнительно краткое изложение серии из семи статей под общим названием «Прощание с Россией», которые я публиковал [в своём блоге на Substack](#) с апреля по октябрь этого года. Поскольку общий объём изначальных семи статей примерно в 5 раз больше, чем объём этого текста, многие аргументы, примеры, пояснения и даже выводы мне пришлось опустить. Если у вас при прочтении возникнут вопросы и возражения, загляните в оригинальные статьи – возможно, там вы найдёте ответы.

У каждого поколения своя катастрофа, и наша только начинается. Для всех: украинцев, русских, европейцев, американцев, китайцев. Двадцать первый век начался ударно, с 9/11, но даже после такого толчка локомотив истории сперва разгонялся медленно, едва-едва, пока в 2011-м его колёса не начали вращаться всё быстрее и быстрее: «арабская весна», Крым, Трамп, Брекзит... 24 февраля 2022 года этот поезд набрал полный ход и не остановится на Украине – с чего бы ему останавливаться?

Россия выбрала для себя роль Зла, а для Украины – роль своей первой жертвы. Но Украина, в отличие от России, выйдет из этой катастрофы краше прежнего. Недавно я читал у кого-то из украинских блогеров о том, какая небывалая удача выпала их поколению – удача наконец завершить то, что за тысячу лет так и не смогли сделать их предки. Тысяча лет – преувеличение, но совсем небольшое: собственного независимого и единого государства на территории Украины не было с 1132 года. В 1991-м оно вроде бы появилось, но до 24 февраля 2022 года со стороны, да и изнутри, для многих оно выглядело временным, неустойчивым и даже карнавальным, декорацией к фильму «Свадьба в Малиновке». Украинское гражданское общество родилось в конце 2013-го, но то, что в Украине есть полноценное, уверенное в себе, эффективное государство, стало ясно только в начале марта, после первой недели войны.

Тогда же, после первой недели войны, стало ясно, что в великой и могучей России полноценного государства нет и в помине. Что именно Россия, а вовсе не Украина, является настоящим failed state, с коробками из-под яиц вместо танковой брони. Украина стала первой жертвой нынешней катастрофы, Россия станет последней или одной из последних. Нынешнему поколению России тоже выпала гигантская историческая роль –

оно может стать поколением, уничтожившим единое российское государство, которое на костях подданных 500 лет строили Иван Грозный, Пётр I, Сталин и теперь Путин. Есть немалый шанс, что вскормленный ими Левиафан может не пережить эту войну, и подхалимское название учебника «История России от Рюрика до Путина» окажется пророческим. Удача это или нет, пусть каждый решает для себя.

Может ли Россия после падения режима стать демократической и свободной? Последние 20 с лишним лет не дают никакого повода для оптимизма.

Самые большие демонстрации против путинского режима, даже когда их участникам не нужно было ничего опасаться, по самым оптимистичным оценкам собирали не более 200 тысяч человек по всей стране. Даже если мы решим, что на разные митинги выходили совсем разные люди (что на самом деле не так), всего в протестах за всё время путинского правления приняло участие не более миллиона человек. Меньше процента от взрослого населения России.

В обычное, мирное, время, чтобы получить примерное количество либеральных противников режима, я бы умножил это число на 10: соотношение активно протестующих и сочувствующих обычно составляет 1 к 10. До 24 февраля, очевидно, так и было: приблизительно у 10 миллионов россиян не находилось времени и достаточной мотивации выйти на демонстрации, но они хотели, чтобы Россия стала свободной примерно в том же смысле, в котором понимала это и либеральная оппозиция. Но теперь ситуация изменилась.

С началом войны те, кто находится в России, стали заложниками Путина. Любое мнение, кроме ультра-патриотического, теперь жестоко наказывается. Западные санкции и уход

иностранных фирм больше всего ударили не по элите, а по обычным гражданам. В результате даже у тех, кто недавно был в тихой оппозиции, формируется стокгольмский синдром: они прямо на глазах становятся патриотами и союзниками действующей власти. Конечно, не все – есть много тех, кто не изменил своих взглядов. Но чем дольше будут закручиваться гайки с обеих сторон, как с путинской, так и с западной, тем меньше в России останется инакомыслия. Страх и обида творят чудеса. Уже сейчас несогласных с режимом в России не 10 миллионов, а хорошо если 2 или 3, скоро из них останутся сотни, а потом и десятки тысяч.

Кстати, это совсем не означает бесполезность санкций. Санкции вводились не чтобы устроить в России революцию – в неё на Западе уже

давно никто не верит, – а чтобы задушить её экономически. И в этом смысле они уже начинают работать. Но это другая тема.

Ситуация с недовольными может резко измениться, если Путин не просто проиграет Украинскую войну, а проиграет её сокрушительно и позорно, как Николай II проиграл Японскую. Тогда народ почувствует слабость власти, и количество недовольных вырастет на порядки. Но, во-первых, сейчас о таком говорить ещё рано, сегодня ситуация другая. А во-вторых, даже если люди свергнут диктатуру, они совсем не обязательно построят на её месте демократию. В России не раз свергали авторитарную власть. Но построить на её месте устойчивое свободное общество ни разу не вышло. Но, может быть, выйдет в следующий раз?

Как понять, станет ли Россия свободной после Путина – или останется диктатурой, опасной и для соседних стран, и для собственных граждан? Как даже не посчитать, а хотя бы приблизительно оценить вероятность того, что именно произойдёт?

Одни винят в нынешней несвободе путинскую пропаганду и огромную репрессивную машину. Другие говорят, что в несвободе виноват не Путин, а весь российский народ. Одни ссылаются на опросы общественного мнения, судя по которым, никакой свободы в России не предвидится. Другие отвечают, что этим опросам нельзя верить, потому что россияне боятся говорить то, что думают.

Кому из них верить? Как разобраться, кто прав? И можно ли вообще это сделать в отсутствие действительно надёжных опросов?

Да даже и в их присутствии – опросы общественного мнения показывают лишь текущие настроения публики, а эти настроения могут меняться.

На самом деле инструмент, позволяющий давать ответы на подобные вопросы, всё-таки существует. Он называется байесова логика. Это метод рассуждений, основанный на работах математика-любителя XVIII века, английского священника Томаса Байеса, опубликованных уже

после его смерти.

В математику мы здесь погружаться не будем, а попробуем объяснить эту логику простыми словами.

Байесова логика, или байесов подход, гласит, что для того, чтобы оценить вероятность какого-то события (например, что Россия будет свободной), нам нужно сначала хоть как-то оценить первоначальную его вероятность, основываясь на уже имеющихся у нас знаниях о предмете, даже если эти знания фрагментарны и субъективны, а потом постоянно обновлять эту оценку на основе новой информации.

Это предварительное знание байесова логика называет Prior probability, или просто Prior. На русский его переводят очень громоздко – «априорная вероятность». Мы воспользуемся калькой с английского и будем называть его прайор.

Именно на основе прайоров, хоть мы об этом и не подозреваем, работает обычно наш мозг. Но для науки этот подход, как ни странно, является новым.

Согласно господствовавшим раньше теориям считалось, что мы можем получить знание сразу, одним куском, поставив соответствующие

эксперименты. Байесова эпистемология говорит, что такое знание будет очень ненадёжным.

Вот пример.

Представьте, что вы встретили в джунглях Амазонки индейца из первобытного племени, который не только не знаком с математикой, но и никогда в жизни не видел денег. Вы даёте ему монету, объясняете, где орёл, а где решка, и показываете, как эту монету подбрасывать.

Индеец трижды подбрасывает монету, и трижды подряд выпадает решка.

Индеец может и даже должен заключить, что эта вещь, которую он видит впервые в жизни, скорее всего всегда падает решкой. И классический научный подход его полностью в этом поддерживает. Мы формулируем эксперимент, проводим его несколько раз, чтобы исключить случайности (монета может упасть всего двумя способами, так что трёх экспериментов должно быть достаточно) и делаем выводы.

Но вы не первобытный человек и не классический учёный в вакууме. Вы обычный программист или офисный работник. Вы много раз имели дело с монетами и знаете, что монеты падают то так, то эдак, причём с равной вероятностью.

Субъективное знание о том, что монета с равной вероятностью падает орлом и решкой (субъективное потому, что вы наверняка не проводили контролируемых научных экспериментов, чтобы это подтвердить, а просто где-то об этом слышали или читали) – и есть ваш прайор. На основании этого прайора вы заключаете: то, что монета три раза упала решкой – скорее всего случайность, и в следующий раз или, возможно, через раз она упадёт орлом.

Каков наш прайор в отношении России? Что мы знаем о том, как падала монета свободы в российской истории?

Почему история вообще влияет на будущее? Потому, что все животные учатся на своём опыте, даже амёбы. Те, кто не умеет учиться, не выживает. У людей это обучение происходит как сознательно, так и бессознательно. Всё, что с нами происходит, формирует наши привычки и наш характер. Привычки и характер, типичные для представителей народа, называются «традиции», «ментальность» и «культура». Не большая культура – литература, живопись и балет, – а повседневная культура поведения и общения. Всё это формируется под влиянием исторических событий, а потом передаётся следующим поколениям: непосредственно, от родителей и преподавателей детям и от знакомых знакомым, и опосредованно, через большую культуру. Первый способ передачи гораздо важнее.

То, как это работает, хорошо иллюстрирует анекдот, который я приводил в одной из своих старых статей.

Рассказывают, что однажды зоологи провели эксперимент: десять обезьян посадили в клетку и время от времени бросали им в клетку банан.

Как только какая-то из обезьян тянулась за этим бананом, всех десятерых поливали холодной водой из шланга. Понадобилось всего несколько попыток, чтобы обезьяны перестали обращать на бананы внимание. Совсем.

Потом одну из обезьян из клетки заменили на новую обезьяну. И снова бросили в клетку банан. Новая обезьяна попыталась его поднять – и тут же была жестоко избита остальными. Они-то знали, что за это бывает. Потом это повторилось. И еще раз. Очень быстро новая обезьяна научилась игнорировать бананы.

После этого еще одну из старых обезьян заменили на новую. И снова в клетку бросили банан. И снова неопытная обезьяна за ним потянулась. И снова ее избили, причем предыдущая новая обезьяна принимала участие в избиении.

Через некоторое время еще одну старую обезьяну заменили на неопытную. И еще раз. И еще. Каждый раз ситуация повторялась. Наконец, в клетке осталось девять новых обезьян и одна старая. Пришла и её очередь на выход, а новой неопытной обезьяны на вход. В клетку опять

бросили банан. Неопытная обезьяна хотела ее взять. Ее, разумеется, избили, хотя ни одну из обезьян, находящихся в клетке, ни единого раза не поливали холодной водой. Они и сами не понимали, почему наказывают новенькую. Вернее, понимали: потому что так принято.

Культура сильнее институтов. Можно сколько угодно копировать американскую конституцию, как делали страны Латинской Америки, но если в стране веками формировалась культура подчинения, там всё равно будут возникать диктатуры. И наоборот, если люди привыкли быть свободными, они будут свободными, даже если никаких гарантий свобод в их конституции нет или даже нет самой конституции – как нет её в Великобритании.

В качестве примера того, что институты сильнее культуры, часто приводят историю двух Кореи, Южной и Северной, и двух Германий, ФРГ и ГДР. Мол, смотрите, две части одной страны с одной и той же культурой выбрали разные государственные институты – и какой разный получился результат.

Это очень плохой пример.

Ни Кореи, ни Германии свои институты не выбирали. Им их навязали сверху более сильные страны. Северокорейские институты создали и поддерживали китайцы, а южнокорейские – американцы. Институты ГДР создавал Советский Союз, а ФРГ – США и Великобритания. И не

только создавали, но и поддерживали. Если бы Северная Корея вдруг решила стать свободной и демократической страной, КНР тут же вмешалась бы. Если бы в Южной Корее произошёл коммунистический переворот, американские войска наверняка помогли бы местным властям в его подавлении.

Что происходит, когда оккупационная армия прекращает поддерживать чуждые культуре страны государственные институты, мы могли видеть на примере социалистических Польши и Чехии, где социализм развалился, как только СССР перестал поддерживать тамошние режимы.

Хотя и оккупация тоже оказывает влияние на культуру. Просто это происходит долго. Если бы советская оккупация Восточной Европы продолжалась не 40, а 400 лет, культура этих стран была бы совершенно другой.

Сформировалась ли культура страны под влиянием иностранных захватчиков или полностью самостоятельно, чтобы лучше понять сегодняшний характер её жителей, стоит заглянуть в её прошлое.

Свобода и демократия всегда относительные понятия. То, что кажется свободой сегодня, завтра могут считать тягостной кабалой. Поэтому о свободе страны можно судить лишь по меркам своего времени, сравнивая её с другими странами и регионами той же эпохи.

IV

По меркам Средних веков Европа была очень свободным местом. Хотя большинство населения Англии, Франции, Германии или Польши XIII – XV веков было бесправным, во всех европейских странах существовал целый класс – аристократия, – обладавший правами, которые не смели нарушать даже короли с императорами.

Во всём остальном мире правители были полновластными хозяевами своих подданных, включая и самых знатных, и могли отнять у любого визиря или сатрапа имущество и саму жизнь по малейшей прихоти. Но не в Европе.

Европейских баронов и графов не могли

казнить или бросить в тюрьму без суда, у них не могли просто так отобрать собственность, они могли свободно перемещаться по континенту и переходить на службу к другому суверену, их не подвергали телесным наказаниям. Принимая важные решения, например о повышении налогов, короли должны были заручиться их согласием – и далеко не всегда его получали.

Этих привилегированных людей было мало, но само их наличие оказалось потом очень важным. Начавшись с них, эти права и свободы потом постепенно распространились и на всё остальное общество.

А что в России?

Изначально Древняя Русь было не менее свободной, чем другие европейские государства того времени. В Киеве и Владимире, как и во многих других уголках тогдашней Европы, правили потомки скандинавов, и порядки там были приблизительно скандинавские: крестьяне и знать пользовались относительной свободой.

Всё начало меняться в XIII веке.

В Европе в это время неписанные свободы начали превращаться в формальные общественные институты. В Англии в 1215 году мятежные бароны добились от короля подписания Великой хартии вольностей, которая вводила в стране прото-правовое государство. Во Франции в 1260 году появился Парижский парламент, который мог рассматривать королевские указы перед их вступлением в действие на предмет их законности. В Испании первый парламент – кортесы – появился в королевстве Леон в 1188 году. В Германии, точнее, в Священной Римской империи, в конце XII века начали появляться вольные имперские города, получившие право самоуправления.

Все эти свободы и привилегии раздавались королями не по доброй воле, а под непрерывным давлением аристократии и горожан. Возможно, что-то подобное произошло бы и в России, но в XIII веке история государства пошла в противоположном направлении. В страну вторглись монголы.

Первое, что сделали монголы, завоевав Русь, – провели там с помощью китайских чиновников (Китай они заняли ещё раньше) полную перепись населения и заставили это население платить дань. Но сами собирать её не стали. Этим должен был заниматься один из русских князей – тот, кому монгольский хан выдал ярлык на княжение. Выдавали его не за доблесть, а за умение выдавливать из населения последние копейки и помогать монголам держать его в повиновении.

Юго-западу Руси, то есть нынешней Украине, повезло, уже в следующем веке его отбила у монголов Литва. Но Северо-восток, нынешняя Россия, оставался под властью орды 2,5 века.

Борьба за ярлык превратилась в соревнование в жестокости и подлости. Князья стучали друг

на друга хану и охотно принимали участие в монгольских карательных экспедициях в соседние княжества. Чтобы выслужиться перед монголами, русские жгли русские города и убивали их жителей. К XIV веку в этой борьбе определились два финалиста: Тверь и Москва. Победила Москва: начиная с Ивана Калиты, жестоко подавившего антимонгольские бунты в Твери и Рязани, московские князья не выпускали ярлык из рук. В 1472 году потомок Калиты Иван III победил монгольскую армию под Алексином и перестал платить монголам дань. С этого момента и можно начинать отсчитывать историю независимого российского государства.

Если в домонгольской России порядки были в основном скандинавскими, то после 250 лет под властью монголов они стали вполне азиатскими. К концу XV века считалось нормальным то, что было немыслимо в конце XII. Князь мог просто так, без серьёзного повода, отнять землю, а то и жизнь, у любого из своих бояр или младших князей. Он же мог приказать им сняться с места и переселиться туда, куда он пожелает. Место вотчин – частных наследственных земельных владений, не зависящих от капризов государя, – заняли поместья, которые в любой момент можно было отнять, а место независимых от царя бояр – полностью зависимые дворяне. В лучших азиатских традициях дворян постоянно перемещали служить в разные места, чтобы они не пустили корни.

Окончательный конец боярству как независимому от царя классу положил Иван Грозный, устроив в 1564-м опричнину. Опричное войско под началом Малюты Скуратова могло безнаказанно убивать бояр и забирать их вотчины всюду, где находило измену. Поскольку нашедшие могли поживиться имуществом изменников, измена находилась везде. 600-700 боярских семей были уничтожены, а у оставшихся отняли вотчины, раздав им отдалённые поместья. Российская знать потеряла остатки независимости.

При Грозном продолжилось и закрепощение крестьян, то есть ограничение их права переходить от одного хозяина земли к другому, начавшееся ещё при Иване III и окончательно завершившееся при первых Романовых.

С тех пор в России было шесть попыток построить свободное государство западноевропейского типа. Ни одна из них не продлилась долго.

Первую предпринял Лжедмитрий. Без боя заняв в 1605-м Москву, он вернул из ссылки опальных бояр и возвратил им конфискованное имущество, отменил введённые Годуновым поборы и облегчил положение крестьян, упразднив наследственное долговое рабство.

Но в мае 1606-го Лжедмитрия зарезали, царём стал Шуйский. При нём репрессии возобновились с новой силой. В свой первый приход в Россию свобода продержалась меньше года.

После Смутного времени на престол возвели Романовых. Свободы в России больше не стало: в середине XVII века они окончательно закрепили крестьян, запретили выезд за границу, а также впервые ввели понятие государственного преступления словом и делом – то самое знаменитое «Слово и дело», которое часто ошибочно приписывают опричнине.

В 1711-м Пётр I создал первый в России и во всей Европе специальный политический сыск, задачей которого было искать и расследовать подобные дела. Ещё одно символичное нововведение Петра: он обязал всех своих подданных, от крепостных до знати, подписывать обращения к царю исключительно словами «нижайший раб».

Ситуация начала меняться лишь с фактическим концом династии Романовых, когда к власти в стране пришла померанская принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербская, не имевшая с Романовыми никакой кровной связи.

Екатерина была хорошо образована, воспитана в свободной Германии, увлекалась передовыми идеями. Она учредила выборный парламент, Уложенную комиссию, куда в 1767 году со всей России было избрано с помощью тайного, хоть и не всеобщего голосования 564 депутата от разных сословий.

Это был первый российский парламент. Часто российским аналогом парламента называют Земские соборы, проводившиеся при

Грозном и первых Романовых. Но сходство было исключительно внешним. Как писал Ключевский, они были «совещанием правительства со своими собственными агентами»: цари или их представители на местах сами выбирали, кого на них пригласить и учитывать ли мнение приглашённых.

Правда, попытка Екатерины создать в России парламент обернулась конфузом. После двух лет бесплодных заседаний депутаты, толком не понимавшие, в чём, собственно, состоит их функция, самораспустились под предлогом начавшейся войны с Турцией. Единственным их важным решением стало присвоение Екатерине звания «Великой».

Императрица была разочарована. Её попытки ввести в России демократию закончились – хотя от идеи сделать страну свободной она отказалась не сразу.

В 1785-м российские дворяне получили права наследственно владеть своей землёй, свободно выезжать за границу, не подвергаться телесным наказаниям и быть судимыми судом равных. Но уже в 1790 году, испугавшись Французской революции, Екатерина пересмотрела своё положительное отношение к свободомыслию. Начались запреты на выезд в Европу, цензура, аресты и большие сроки вольнодумцам. Многие из дарованных Екатериной свобод остались лишь на бумаге. А в 1797-м, на следующий год после смерти Екатерины, Павел I отобрал их уже и формально.

Его внук Николай I в 1845-м принял уголовный кодекс, превративший Россию в первое в Европе полицейское государство, в котором преступлением стали не только призывы к мирному изменению строя, но даже и просто обсуждение подобной возможности. В других европейских странах подобные законы появились лишь при фашистах.

Третью попытку либеральных реформ предпринял Александр II. В 1861-м он освободил крестьян, в 1863-м отменил телесные наказания, а в 1864-м провёл судебную реформу, введя суды присяжных. Однако уже к концу следующего десятилетия он резко изменил курс, закрутил

гайки и создал не имевшую аналогов в Европе тайную политическую полицию, которая имела право послать человека в тюрьму без суда и следствия.

В четвёртый раз свобода в России появилась в 1905-м, когда Николаю II пришлось дать стране конституцию. Манифест 17 октября впервые даровал россиянам «незыблемые основы гражданской свободы» и учредил избираемый парламент.

Но игры в демократию продолжались недолго. В 1907-м Николай, недовольный результатом выборов, второй раз подряд распустил Думу и в нарушение собственной Конституции изменил избирательный закон так, чтобы новая Дума стала карманной.

В ночь перед указом о роспуске Думы 37 депутатов социал-демократической фракции были арестованы. Большинство из них отправили на каторгу за «призывы к насильственному свержению государственного строя». В России снова ввели цензуру, начались аресты оппозиционеров. Приговоры были самыми жёсткими. Количество смертных казней выросло на порядки. Если в 1905-м, году самых сильных волнений, смертных приговоров было всего 19, то в 1908-м – уже 1330.

Дальше у России был неполный год полной свободы (но не демократии, потому что никаких выборов провести не успели) с февраля по октябрь 1917-го.

VI

Пусть история России не даёт никаких оснований надеяться на то, что мы когда-нибудь увидим Прекрасную Россию Будущего. Но, возможно, на это даёт надежду история других стран? Тех, которые, как и Россия, веками были несвободными, но в конце концов добились свободы. «Если смогла [Южная] Корея, значит, сможет и Россия», – говорит нам российская оппозиция. И нам хочется верить.

Попробуем понять, сколько шансов у России стать свободной и успешной страной.

После этого свобода была потеряна до 1991-го.

Сколько лет демократии было в России при Ельцине? Одни говорят, что только два года, до 1993-го, когда был разогнан парламент. Другие – что она закончилась на выборах-1996, когда на стороне кандидата от власти играли все крупные СМИ. Обе точки зрения имеют право на жизнь, но давайте считать по максимуму: пусть свобода продержалась до избрания Путина и разгона НТВ.

Итого за 550 лет своей независимой истории Россия была относительно свободной максимум 35 лет. И каждый раз эта свобода заканчивалась либо при том же правителе, который её и ввёл, либо сразу же после.

О чём нам это говорит? О том, что надежды на свободу в России мало и после ухода Путина.

Вспомним о прайоре.

Представьте себя в одной из самых несвободных стран в истории: в Германии в 1935 году. Мы знаем, что последнюю тысячу лет Германия была одной из самых свободных стран на планете. А значит, можем надеяться, что нынешняя несвобода – случайность, и Германия будет свободной.

Теперь представьте себя в России в сентябре-1991, в момент её наивысшей свободы. Но мы знаем: 515 из последних 550 лет Россия была деспотией. Логично предположить, что и нынешняя свобода – случайность, которая скоро закончится.

Для начала нам нужно понять, с каких стран мы хотим брать пример.

Во-первых, эти страны должны быть демократическими. Чтобы не быть субъективными, мы будем ориентироваться не на собственные представления о демократии, а на уважаемый международный рейтинг [Democracy Index](#) журнала Economist. Он не идеален, но лучшего критерия у нас нет.

Но одной демократии мало. Демократия – это в первую очередь сменяемость власти. А

сменяемость власти – очень важный, но не единственный критерий успешного государства. Власть в стране может быть сменяемой, но коррумпированной и авторитарной, как, например, в Индии, где власть в отдельных штатах регулярно передаётся по наследству, оппозиционных активистов убивают, а власти регулярно отключают интернет по политическим причинам. Индия считается демократической страной, но рейтинг [Freedom in the World](#) называет её лишь частично свободной.

Наконец, страна может быть демократической и свободной, но нищей, так как к власти к ней демократическим путём регулярно приходят воры и популисты. Поэтому третье условие – достаточный уровень доходов населения. Чтобы страна была не беднее стран, которые входят в группу стран с высокими доходами населения по [определению Всемирного банка](#): High income economies по-английски. Не бойтесь, это не очень богатые страны. К ним принадлежит, например, Румыния.

Не-карликовых стран, которые являются демократическими по рейтингу Democracy Index, свободными по рейтингу Freedom in the World и достаточно богатыми по версии Всемирного банка – то есть тех стран, на которые должна быть похожей Прекрасная Россия Будущего, – в мире всего 37.

Это Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Латвия, Литва, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, США, Тайвань, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Финляндия, Франция, Хорватия, Швеция, Швейцария, Чехия, Чили, Эстония, Южная Корея и Япония.

27 из этих стран 37 – страны Западной и Центральной Европы, а также заселённые выходцами из этих стран эмигрантские государства, которые были свободными большую часть своей истории на протяжении последних столетий.

Ещё шесть – страны Восточной и Юго-Восточной Европы, у которых с историей свободы похуже (хоть и существенно лучше, чем в России), но которые входят в ЕС. ЕС довольно эффективно следит за тем, чтобы входящие в него страны не сходили с пути демократии.

Получается это не всегда – пример Венгрии у всех перед глазами. Но иногда получается. ЕС заставил Румынию провести антикоррупционную реформу, а Польшу – отменить скандальный закон, нарушающий независимость судов.

У России нет ни малейших шансов войти в ЕС – она для этого слишком огромна. Так что Греция и Румыния не могут служить для неё образцом.

Остаётся четыре страны: Япония, Тайвань, Южная Корея и Тринидад и Тобаго.

Самая убедительная теория возникновения современной демократии связывает его с феодализмом.

В СССР, да и в большинстве стран третьего мира, принято называть феодальным любое средневековое докапиталистическое общество. Но это неправильное название. Профессиональные историки называют феодализмом очень специфический тип общественных отношений, существовавший лишь в средневековой Европе, а за её пределами – в Японии.

Суть феодализма в том, что между сюзереном и вассалом заключался договор, обязанности по которому несли обе стороны, что и привело к возникновению контрактного, договорного общества.

Средневековые порядки России, Индии и всех азиатских или африканских стран не имели к феодализму никакого отношения, это были обычные деспотии, где обязанности были только у подчинённых.

Единственные три страны в Азии, ставшие успешными демократиями, – это ранее феодальная Япония, а также две бывшие японские колонии с конфуцианской культурой, Южная Корея и Тайвань.

В конфуцианском Китае и скопировавших китайские институты соседних странах император мог делать всё, что хотел, но не по велению своей левой пятки, а только в соответствии с законами. Эти законы он, в отличие от европейских правителей, принимал единолично, ни у кого не прося одобрения, но они его всё-таки ограничивали. К тому же древняя конфуцианская система отбора чиновников через экзамены воспитывала людей, обладавших чувством собственного достоинства: они регулярно возражали императору и часто предпочитали отправиться в изгнание или

даже покончить с собой, чтобы не выполнять приказаний, которые считали несправедливыми. Очевидно, конфуцианские страны способны воспринимать западные политические институты.

Так что стать Южной Кореей России не светит. Слишком иная культура.

В списке остался только Тринидад.

В мире – 117 стран без длительной истории свободы (как в Западной Европе) или хотя бы законности (как в Восточной Азии). 112 стран, где

большую часть истории, как и в России, царили деспотия и произвол. Свободной и относительно богатой без помощи ЕС удалось стать одной – Тринидаду.

Это не сулит России никакого светлого будущего. Если по формуле Байеса посчитать шансы России до конца XXI века превратиться в процветающую демократию, мы получим сотые доли процента. Шансы ничтожны.

VII

Но, возможно, в современной России всё же есть что-то, что выделяет её из общего ряда несвободных стран и позволяет надеяться на лучшее?

Увы, наоборот.

Феномен, который психологи называют «отложенным вознаграждением», впервые был описан в психологии более 100 лет назад. Его ввёл в оборот Зигмунд Фрейд в работах по структуре личности. По его теории, самая базовая часть личности, «Оно» (Id), движимая примитивными инстинктами, требует моментального исполнения своих желаний, а более рациональная часть личности, «Я» (Ego), научается соизмерять желания с реальностью и ждать вознаграждения, сколько потребуется. Младенцы руководствуются исключительно «принципом удовольствия», постепенный переход к «принципу реальности» начинается примерно в 2 года и означает взросление.

В экономике подобная концепция появилась на полтора столетия раньше и сначала называлась «межвременной выбор». Впервые о необходимости смирять свои порывы сейчас, чтобы получить награду потом, написал ещё Адам Смит. В вышедшем в 1776 г. «Богатстве наций» он связал это умение с тем самым богатством наций.

С тех пор концепция отложенного вознаграждения в экономике непрерывно развивалась. Современный вид она приобрела в первой половине XX века в работах Фрэнка Рэмси и Пола Сэмюэльсона, которые вместо бинарной

концепции межвременного выбора ввели более сложную математическую функцию временного дисконтирования. С тех пор экономисты изучают именно её.

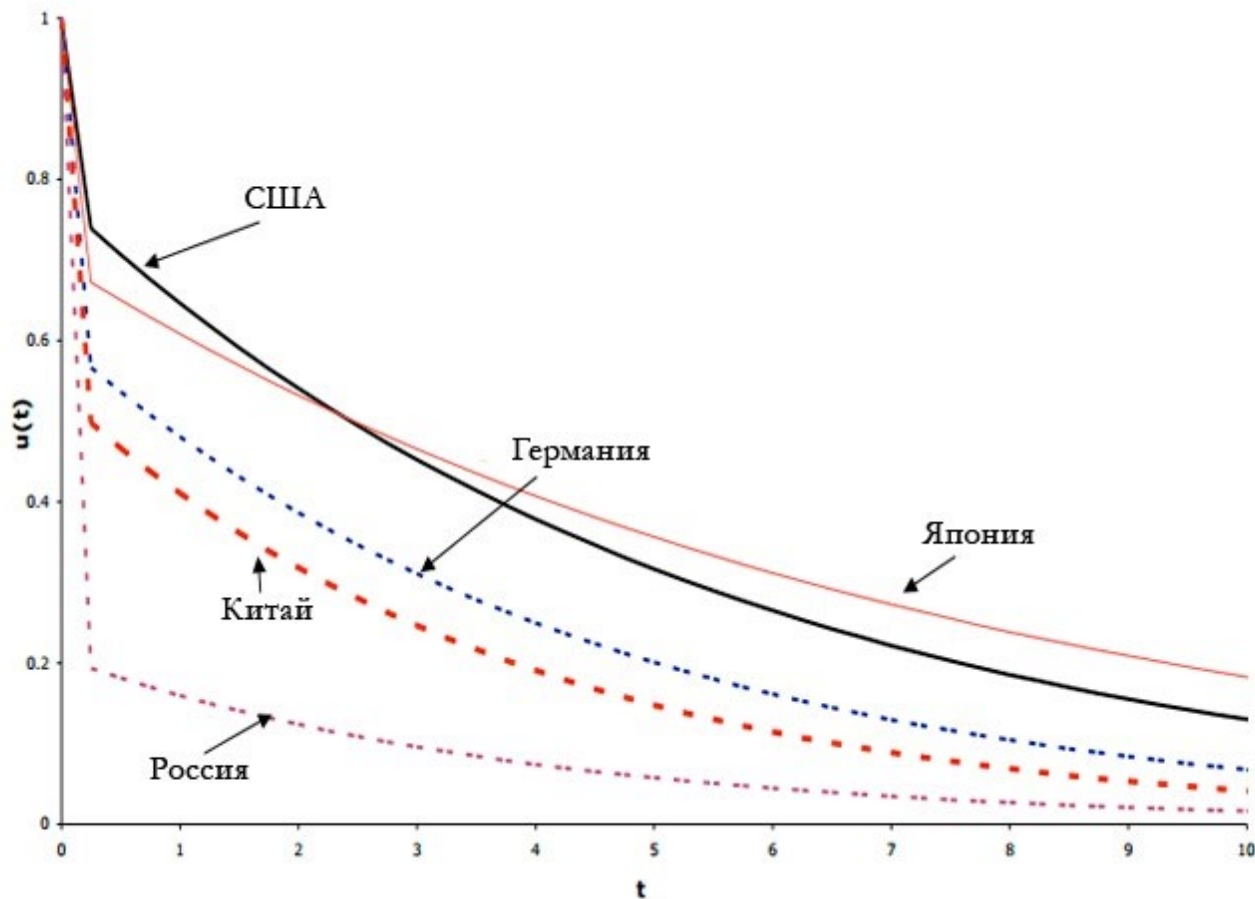
Функция временного дисконтирования описывает, с какой скоростью и по какой формуле уменьшается для человека субъективная ценность вещей и денег в зависимости от времени, через которые эти вещи и деньги будут доступны. Например, 10-долларовая купюра, доступная сегодня, имеет субъективную ценность 10 долларов как для Васи, так и для Пети. Ту же купюру, но доступную только через год, Вася сегодня оценивает в 5 долларов. Но для Пети её субъективная стоимость через год составляет сегодня лишь 2,5 доллара.

Экономисты традиционно считают, что обычные люди дисконтируют примерно по одной и той же формуле – экспоненциальной. Это значит, что субъективная стоимость вознаграждения для них снижается равномерно, на сколько-то процентов за единицу времени, хотя проценты эти у разных людей могут быть разными. Но то обычные люди. Пьяницы, наркоманы и курильщики, которые очень хотят, но не могут бросить, дисконтируют по-другому. Для них субъективная стоимость вознаграждения резко падает уже на следующий день, а всё, что они могут получить через месяц и больше, имеет почти нулевую ценность. Главное принять очередную дозу, а потом хоть трава не расти. Такое дисконтирование называется гиперболическим. И свойственно оно не только страдающим

зависимостями, но и всем, кто живёт лишь сегодняшним днем.

Эксперименты показали, что на практике большинство обычных людей дисконтирует время не по чисто экспоненциальной или чисто гиперболической, а по квазигиперболической формуле. Сначала субъективная ценность вещей и

денег резко падает, а потом начинает уменьшаться по экспоненте. Например, 100 долларов через месяц субъективно воспринимаются вами как 70 (то есть обесцениваются на 30%), а потом с каждым новым месяцем их субъективная ценность снижается ещё на 5% от предыдущего.

Это значит, что большинство людей предпочитает получить 100 долларов сегодня, а не 101 завтра. Но при этом получают образование и повышают квалификацию (не потому что мама сказала, а потому что это поможет в жизни), следят за здоровьем, откладывают на старость – в общем, строят долгосрочные планы и вкладывают в их осуществление немалые силы и средства. Потому что достаточно высоко ценят не только сегодняшний день, но и то, что будет через год, десять и пятьдесят.

Так поступает большинство людей в Западной, Северной и Центральной Европе, в США и Восточной Азии. Но не на Балканах, не в Африке и не в России.

Доказано, что умение населения планировать и отказывать себе в чём-то сегодня, чтобы завтра получить больше, сильнее всех

остальных возможных факторов коррелирует с экономическими и политическими успехами страны. Это естественно: для любого стабильного развития необходимо умение жертвовать краткосрочными выгодами ради долгосрочных планов.

У россиян с этим умением очень плохо.

За последние двадцать лет был проведён целый ряд масштабных кросс-культурных исследований, изучающих временное дисконтирование у разных народов. И все они показывают, что россияне дисконтируют время как курильщики. То есть совсем не думают о будущем. По способности ждать награды они занимают одно из последних мест в мире.

Среди россиян есть и исключения, но они, увы, погоды не делают.

Можно спорить, является ли нестабильность российской истории причиной того, что россияне предпочитают не думать о будущем, либо, наоборот, то, что они не думают о будущем, приводит к тому, что Россию постоянно трясёт. Верно и то и другое. Из-за того, что жизнь постоянно ломает все планы, думать о будущем в России не имеет никакого смысла. А из-за того, что мало кто думает о будущем, люди не способны предвидеть чужие действия, что постоянно приводит к конфликтам. Мелкие и крупные конфликты в России перемножаются, копятся

и в конце концов сходят очередной страшной лавиной, как мы наблюдали в феврале 2022-го и ещё много, много раз до того.

В России невозможен общественный договор: тем, кто не планирует жизнь хотя бы на месяц вперёд, нет смысла соблюдать договоры. В краткосрочной перспективе партнёра всегда выгоднее кинуть, а то, что после этого никто не будет тебе доверять, россиян не волнует.

Россия застряла в порочном цикле истории, и выхода из этого цикла не видно.

VIII

Если до февраля российская оппозиция ещё питала иллюзии, что Россия обязательно станет свободной, надо только «умно проголосовать» за одобренных властями кандидатов, то с началом войны эти иллюзии рассыпались. Многие либералы понимают, что собственными усилиями Прекрасную Россию Будущего им не построить, и поэтому тайно или открыто надеются либо на западную оккупацию, либо на распад страны на мелкие части.

Но и оккупации не будет.

Россию ещё никому не удавалось оккупировать: ни полякам в 1610-м, ни Наполеону в 1812-м, ни Гитлеру в 1941-м. Не из-за героизма русских, как это изображают российские учебники. И поляки, и Наполеон без больших затруднений взяли Москву, но из-за огромных расстояний и плохих дорог не смогли организовать логистику своей армии. Та же проблема была и у Гитлера. С тех пор расстояния не уменьшились и дороги особо не улучшились. Завоевать Россию можно, но контролировать её очень сложно. За всю историю это получилось только у монголов, которые не стали держать в русских лесах оккупационные войска, а перепоручили контроль над покорёнными русскими самим же русским по принципу «разделяй и властвуй».

Во время оккупации Ирака США и их союзники были вынуждены держать там 112-176 тысяч солдат. Россия почти в 4четыре раза больше Ирака по населению и почти в 40 раз – по площади. Чтобы её контролировать, потребуется

в разы больше людей. США вряд ли смогут себе позволить на протяжении десятилетий держать вне дома почти полумиллионную армию. А как только они её выведут, в стране либо начнётся гражданская война, либо к власти придёт экстремистская группировка.

Но даже если предположить, что для контроля России потребуется существенно меньший контингент, этот контингент не обеспечит России свободу и демократию. Он, как показывает пример Ирака и Афганистана, сможет контролировать лишь крупные города и основные коммуникации. За их пределами будет коррупция и фальсификация выборов, как в Афганистане, или полноценная гражданская война с десятками или даже сотнями тысяч жертв, как в Ираке.

Прекрасной Россия под оккупацией не будет, оккупация помогает стать прекрасными только тем странам, которые были прекрасными до войны. Как в Германии или Японии, в России не получится, потому что Россия – это не Германия и не Япония.

Возможно, всё это вас не убеждает. Вы считаете, что все в России будут довольны натовской оккупацией, начнут сотрудничать с американскими и британскими войсками и построят под их защитой процветающую демократию. Этого действительно нельзя полностью исключать, хотя вероятность такого развития событий ничтожна. Но это в любом случае чисто теоретический спор. Потому что во всех разговорах про оккупацию мы не учитываем

главное – она может состояться лишь после полномасштабной войны НАТО с Россией, в которой почти наверняка дойдёт до применения ядерного оружия. То, что останется после этого от

России, вряд ли можно будет назвать прекрасным, с оккупацией или без. Это точно не то развитие событий, которого желал бы человек, жаждущий провести остаток жизни среди родных осин.

IX

Кроме демократизации и оккупации, есть ещё одна возможность – дезинтеграция. За последние месяцы идея распада России на множество мелких демократических государств, которую раньше поддерживали лишь радикалы вроде Аркадия Бабченко, пошла в широкие оппозиционные массы и с каждым днём становится всё более популярной.

Отдельные ретрограды, правда, возражают, что Россия не может распасться сама по себе, по крайней мере добровольно. Да, от неё могут отколоться национальные окраины типа Кавказа, но большая её часть останется единым государством, потому что 81% её населения составляют русские, а русские – один народ, связанный общим языком и культурой, и он всегда будет стремиться жить вместе.

Но в истории есть много примеров связанных одним языком и культурой народов, которые сегодня живут по отдельности: немцы, французы, арабы, латиноамериканцы, англосаксы, которых российские власти винят во всех бедах.

Распад не просто возможен, это наиболее вероятное развитие событий. Вопрос в том, будут ли десятки маленьких россий принципиально отличаться от большой России.

В первой части статьи мы оценивали вероятность того, что Россия до конца века превратится в нормальное европейское государство. Эта вероятность оказалась ничтожной. Такой неутешительный результат – следствие российской истории на протяжении последних 500 с лишним лет и национального характера, который эта история сформировала.

Но каждое из государств, которые могут возникнуть на территории страны после её распада, разделяет ту же историю. Национальные республики, кроме, возможно, республик Кавказа, – не исключение. В Татарии и Мордовии с XIII

века были те же порядки, что в Москве и Рязани. И национальный характер там сложился, возможно, не точно такой же, но очень похожий. Нет никаких оснований считать, что строительство демократии в каждом из осколков России имеет существенно большие шансы на успех, чем во всей стране в целом. У Кавказа, правда, своя история, но и там шансы вряд ли очень высоки: в мире нет ни одной свободной мусульманской страны.

Для каждого из осколков России по отдельности вероятность построения процветающего свободного общества пренебрежимо мала. Но вероятность того, что хотя бы один из них станет свободным, несколько выше.

В теории. На практике, если какой-то из осколков и станет свободным, то долго он не проживёт.

Те, кто мечтает о распаде большой авторитарной России на десятки маленьких демократических россий, избегают мыслей о том, как именно будет происходить этот переход от сегодняшнего Мордора к Прекрасной России Будущего. Если хоть на минуту об этом задуматься, очевидно, что переход будет довольно неприятным для демократов.

Россия может распасться, только когда центральная власть потеряет авторитет и рычаги управления страной, экономика начнёт рушиться, а народное недовольство – закипать. В тот момент, когда местные «элиты» поймут, что Москва уже ничего не может им дать и уже никак не может их наказать, они начнут объявлять о независимости или широкой автономии, включающей приоритет местных законов над центральными.

Но кто будет этими элитами? Уж точно не Яшин с Волковым. Власть в регионах будут брать те, у кого она там уже есть. Те, кому уже подчиняются силовые структуры. В центральных

регионах это местные царьки-единороссы типа Турчака, на окраинах – сырьевые олигархи. Если кто-то и составит им конкуренцию, это будут никак не демократы, а крупная организованная преступность и владельцы частных армий, ЧВК, то есть Пригожин и те, кто пойдёт по его следам. В середине сентября Христо Грозев [написал](#), что Путин приказал олигархам создать собственные ЧВК по образцу «Вагнера» для тренировки и отправки военных в Украину. Подтверждений пока не появлялось, но у большинства олигархов в любом случае уже есть небольшие частные армии, которые не могут конкурировать с пригожинской или кадировской, но вполне могут разгонять демонстрации.

Не обязательно это будут те люди, чьи имена сейчас у всех на слуху: вполне вероятно, что их опередят другие, пока ещё малоизвестные. Но это будут люди того же типа, только ещё более ненасытные, агрессивные и безжалостные.

Даже если демократам удастся взять под свой контроль какой-нибудь регион, они не смогут в нём долго продержаться: за распадом России неизбежно последует делёж пирога и гражданская война, в которой контролируемые демократами регионы станут первыми жертвами, как стало ей во время предыдущей гражданской войны первое после большевистского переворота демократическое правительство в России, самарский КОМУЧ, сформированный 8 июня и продержавшийся у власти лишь 3,5 месяца. Примерно та же картина будет и в следующий раз – все действия российских демократов на протяжении последних 10 лет показывают, что они неспособны на решительные действия.

Единственная надежда остаться демократическими есть у областей, находящихся на западных и восточных границах России. Если им очень повезёт, там будут стоять войска НАТО. Как обсуждалось выше, НАТО не станет заниматься полноценной оккупацией России – это слишком неподъёмная задача, – но может взять под контроль отдельные приграничные области, которые легко контролировать, например Ленинградскую и Приморье. То же, если российский режим посыплется, может сделать и Украина с Белгородской и Ростовской областями, создав таким образом буфер между собой и новыми российскими мини-диктатурами.

Гражданской войной может воспользоваться

и Китай, чтобы прямо захватить «исконно китайские» приграничные территории Приамурья и Приморья и поставить к власти в остальной Сибири своих марионеток для контроля её природных ресурсов.

Даже в лучшем из мало-мальски реалистичных сценариев будущего России свободными и демократическими в ней будут лишь несколько приграничных областей, да и то под внешним управлением. Так что задаваться вопросом, «как нам обустроить Россию», российской либеральной оппозиции бесполезно. Обустроить страну будет кто угодно, но не она.

Более интересный вопрос – как в случае распада России вести себя западным странам и НАТО.

Как я писал выше, россияне из-за гиперболического временного дисконтирования не способны договариваться ни с «иностранными партнёрами», как саркастически называет их Путин, ни, в первую очередь, друг с другом. Когда вертикаль слабеет, между бывшими соратниками тут же начинается фракционная борьба, регулярно доходящая до гражданской войны, либо короткой и локальной, как в 1993-м, либо полномасштабной, как в 1917-м. Эти конфликты всегда решаются не договором, а силой, появлением авторитарного лидера, который способен подчинить себе всех остальных.

Так наверняка произойдёт и в следующий раз, если только в конфликт как арбитр не вмешается внешняя сила, например НАТО, и не принудит враждующие стороны к миру и стабилизации статус-кво, не дожидаясь, пока их подомнёт под себя очередной тиран.

Нужно ли это НАТО? Вероятно, нужно. Множество авторитарных и непредсказуемых, но маленьких и слабых российских государств будут представлять для окружающих стран гораздо меньшую опасность, чем одна большая, сильная и агрессивная.

К тому же чем меньше продлится российская междоусобица, тем лучше для всех. Гражданская война при распаде России может продолжаться от нескольких лет, как в той же России сто лет назад или в бывшей Югославии в начале 1990-х, до нескольких десятилетий, как в Китае в первой половине XX века. В любом случае она приведёт к миллионам беженцев и полному прекращению поставок на мировой рынок всего, что Россия

поставляет туда сейчас – к такому варианту развития событий стоит начать готовиться уже сегодня. Как и к возможному конфликту с Китаем за косвенный контроль над восточными областями распавшейся России.

Но ещё более серьёзная проблема ждёт мир, если в результате распада страны ядерные кнопки окажутся в руках сразу у нескольких бывших путинских соратников или глав ОПГ. В этом случае вероятность того, что хотя бы одну из них в конце концов нажмут, хотя бы и просто случайно, существенно вырастет. Это не будет ударом, который может уничтожить планету, но даже ограниченная ядерная война двух бывших российских регионов может привести к миллионам прямых и косвенных жертв не только в России, но и в мире.

Поэтому первоочередной задачей при распаде России будет её денуклеаризация.

Самым разумным и предсказуемым, хоть и довольно циничным подходом будет обменять международное признание новых удельных княжеств Пригожина и Дерипаски на их

полное ядерное разоружение. Альтернатива – ограниченная военная операция, при которой что угодно может пойти не так.

Если же Россия после ухода Путина сохранится одним куском, ни на какое ядерное разоружение она, очевидно, не согласится – а заставить её разоружиться принудительно можно будет лишь после ядерной войны. В этом случае Западу останется лишь размещать своё ядерное оружие в Европе, развивать противоракетную оборону и продолжать душить Россию санкциями, чтобы ей было сложнее поддерживать в рабочем состоянии свой арсенал.

Выводы неутешительные. Обустроить Россию нельзя, потому что для её обустройства нужно менять складывавшийся веками образ мышления её населения. Россию можно только обезвредить, да и то относительно. Наименьшую угрозу окружающим она будет представлять, развалившись на части и без ядерного оружия. Но самим россиянам даже этот вариант вряд ли поможет стать свободнее и богаче.